

DOI: 10.31696/S086919080038385-0

ПРИНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ЭЛИТАМИ ИРАКА И СИРИИ В ПОСТБААСИСТСКИЙ ПЕРИОД: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

© 2026

Р.Ш. МАМЕДОВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9783-5500; rshmamedov@yandex.ru

Резюме: Арабский Восток находится в центре внимания мировой политики, являясь регионом, где пересекаются интересы крупнейших держав и формируются новые геополитические реалии. Стратегическое расположение Ирака и Сирии, вопросы международной безопасности и энергетики сохраняют их значимость на региональном и глобальном уровнях.

Цель работы заключается в попытке проведения сравнительного анализа систем управления и принятия внешнеполитических решений на институциональном уровне в Ираке и Сирии в постбаасистский период. Особое внимание уделяется взаимоотношениям внутривнутриполитических акторов Ирака и Сирии и их связей с региональными и внерегиональными силами. Статья также вносит вклад в дискуссию об эволюции политических систем арабского мира. Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем сравнительный анализ, внешнеполитический анализ и подход принятия внешнеполитических решений, а также теорию элит.

В Ираке после оккупационного периода и внутренних войн сложилась децентрализованная система управления. Речь идёт о конгломерате семей и постоянно меняющихся тактических альянсах, включающих религиозную элиту, но в рамках одной политической системы. В Сирии состояние де-факто разделенного государства, с одной стороны, позволяет временному президенту провести попытку установления централизованной системы, а с другой – в среднесрочной перспективе ввиду отсутствия этноконфессионального баланса (если эта проблема не будет урегулирована) препятствует объединению государства и восстановлению его территориальной целостности. Внешнеполитический курс как иракской элиты, так и нового руководства Сирии был направлен на комплексное восстановление позиций страны на международной арене при сохранении баланса между различными приоритетами, а главной задачей правительства в обоих случаях стало обретение легитимности. Автор обозначает приоритеты внешнеполитического курса Ирака и Сирии в новых геополитических условиях, а также определяет факторы, влияющие на принятие ключевых внешнеполитических решений.

Ключевые слова: Ирак, Сирия, баасизм, элиты, принятие внешнеполитических решений

Для цитирования: Мамедов Р.Ш. Принятие внешнеполитических решений элитами Ирака и Сирии в постбаасистский период: сравнительный анализ. *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. С. 105–116. DOI: 10.31696/S086919080038385-0

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00056, <https://rscf.ru/project/24-78-00056/>

FOREIGN POLICY DECISION-MAKING BY THE ELITES OF IRAQ AND SYRIA IN THE POST-BA'ATHIST PERIOD: A COMPARATIVE ANALYSIS

© 2026

Ruslan Sh. MAMEDOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9783-5500; rshmamedov@gmail.com

Abstract: *The Arab world is in the center of global politics, serving as a region where the interests of major world powers intersect and new geopolitical realities take shape. The aim of this study is to conduct a comparative analysis of the mechanisms of foreign policy decision-making in Iraq and Syria in the post-Ba'athist period. Special attention is paid to the system of interrelationships among domestic political actors in Iraq and Syria and their links with regional and external powers. The article also contributes to the discussion on the evolution of political systems in the Arab world. The research methodology is based on an integrated approach that includes comparative analysis, foreign policy analysis, foreign policy decision-making approach, and elite theory.*

In Iraq, a decentralized system of governance emerged following the occupation period and internal wars. In Syria, meanwhile, the de facto partitioned state situation allows President, on the one hand, to attempt to establish a centralized system, but, on the other hand, prevents the unification of the state and the restoration of its territorial integrity in the medium term due to the lack of ethno-confessional balance. The foreign policy of both the Iraqi elite and the new Syrian leadership was aimed at comprehensively restoring the country's position on the international stage while maintaining a balance between various priorities, and the government's primary goal in both cases was gaining legitimacy. The author outlines the foreign policy priorities of Iraq and Syria in the new geopolitical context and identifies the factors influencing key foreign policy decisions.

Keywords: Iraq, Syria, Ba'athism, elites, foreign policy decision-making

For citation: Mamedov R.Sh. Foreign Policy Decision-Making by the Elites of Iraq and Syria in the Post-Ba'athist Period: A Comparative Analysis. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 105–116. DOI: 10.31696/S086919080038385-0

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью анализа трансформационных процессов в системе принятия внешнеполитических решений в Ираке и Сирии после падения баасистских режимов. Партия арабского социалистического возрождения (Баас) была руководящей силой в Ираке с 1968 по 2003 г. и в Сирии с 1963 по 2024 г. Эти соседние государства часто в плане политического анализа также объединяли в единую сирийско-иракскую кризисную зону. Особое внимание исследователей уделялось в 2010-е гг. вопросам безопасности Ирака и Сирии в условиях распада их государственности и резкого нарастания угроз для соседних регионов [Иванов, 2017].

Данное исследование имеет критическое значение в условиях ограниченного числа работ, посвященных анализу трансформации системы управления и принятия внешнеполитических решений в Ираке и Сирии после падения баасистских режимов. Существующие исследования либо фокусируются на отдельных аспектах внешнеполитического курса этих

стран, либо рассматривают их в контексте региональных конфликтов, не уделяя должного внимания системе управления и принятия внешнеполитических решений новыми элитами. Данная работа может быть полезна для дальнейших исследований по вопросам формирования политических систем в полиэтноконфессиональных обществах и в целях формулирования внешнеполитического курса отдельных государств.

Особую значимость приобретает вопрос о том, как изменились процедуры и институты принятия внешнеполитических решений в условиях политических трансформаций в Ираке и Сирии. Основная гипотеза заключается в том, что, несмотря на наличие отдельных схожих внутренних и внешних факторов, которые привели к свержению баасистских режимов, принятие внешнеполитических решений в постбаасистских Ираке и Сирии на институциональном уровне имеют существенные различия. В Ираке сформировалась фрагментированная система принятия решений с множественностью центров влияния и необходимостью согласования позиций между различными политическими акторами. В Сирии сохранилась централизованная модель принятия решений, однако она не распространяется на всю её территорию, что создаёт дополнительные возможности для внешнего воздействия, как следствие усиление неподконтрольных правительству акторов.

В данной статье принятие внешнеполитических решений рассматривается как подход внешнеполитического анализа. Сам внешнеполитический анализ зачастую рассматривается как субдисциплина теории международных отношений. В принятии внешнеполитических решений применяются методы из множества дисциплин – политологии, государственного управления, экономики, психологии, социологии. Изучение принятия внешнеполитических решений направлено на понимание того, как государства формулируют и проводят внешнюю политику. В этом плане внешняя политика рассматривается как серия решений, принимаемых конкретными государственными институтами, бюрократией, но и другими акторами. Истоки внимания к принятию решений обычно восходят к 1950-м и 1960-м гг., при этом в последние десятилетия сложность и разнообразие подходов в литературе возросли. Так, и в исследованиях по внешней политике отдельных стран существует огромный пласт литературы на разных языках [Лебедева, 2009, с. 32].

Среди основных работ по принятию внешнеполитических решений можно назвать фундаментальные труды Р. Снайдера, Г.В. Брука и Б. Сапина, в т. ч. коллективную монографию «Принятие внешнеполитических решений» (первоначально опубликована в 1954 г. и потом переиздавалась). Они предлагали сосредоточиться на том, как отдельные личности, действующие от имени организованных групп и государственных институтов, принимают решения. Это научное направление развивали В. Хадсон, Д. Чолле и др. [Snyder et al., 2002, p. 1–20]. Конечно, многое сделано в этом направлении Дж. Розенау, важнейшим достижением которого, как отмечают представители школы МГИМО, стало предположение, что «вес каждого фактора не константен и имеет различное влияние на итоговый результат в разных странах. Этот вывод способствовал развитию школы компаративистики в теории международных отношений» [Сучков и др., 2020, с. 66]. Субъектам принятия внешнеполитических решений также посвящены работы М. Херман и Ч. Херман [Hermann, Hermann, 1989]. Собственно эволюция подхода к принятию решений в анализе внешней политики сопровождалась вызовами рациональному выбору со стороны когнитивной психологии и организационной теории [Brulé, Mintz, 2017]. Это также привело к развитию полиэвристической теории, пытавшейся совместить рациональный выбор и когнитивистские подходы [Mintz, DeRouen, 2010].

Стоит отметить и российских специалистов, занимающихся вопросами осмысления внешнеполитического анализа на Востоке, например, работы Д.В. Стрельцова и Е.В. Колдуновой, которые отмечали ограниченность западных концепций в объяснении

и учета значимости неформальных аспектов внешнеполитического процесса (в связи с чем основное внимание приходится уделять исследованию роли в нём отдельных неформальных группировок, кланов, центров влияния, теневых структур и т. д.) [Стрельцов, Колдунова, 2010, с. 3]. Внутренним факторам формирования внешней политики арабских стран посвящены работы А.В. Демченко [Демченко, 2010].

Методологически важно учитывать сопряжение принятия внешнеполитических решений и теории элит. Такое сопряжение позволит фокусировать внимание не только на государствах и государственных институтах при принятии внешнеполитических решений, но и на элитных группах. Современные исследователи теории элит, такие как Э. Сондерс, отмечают: «одни и те же элиты могут вести себя по-разному в разных условиях, и элиты часто не получают того, чего хотят во внешней политике, несмотря на сильные предпочтения. *Не обращая внимания на внутриэлитную динамику, мы упускаем важные источники государственного поведения*» [Saunders, 2022, p. 220]. Стоит отметить, что исследователи предлагают при анализе внешнеполитической деятельности разделить элиты на общие (general elite) и внешнеполитические (foreign policy elite), где за общей элитой закрепляется ключевое участие в принятии решений, – но она не всегда обладает экспертизой по внешней политике, – а под внешнеполитическими элитами подразумеваются дипломатические элиты [Saunders, 2022, p. 220].

Среди основных исследователей истории развития политической системы и элит Ирака стоит отметить М. Чарунтаки [Charountaki, 2025], Ф. Раза [Raza, 2021], В.В. Наумкина [Наумкин, 2021], М.А. Сапронову, работу автора статьи Р.Ш. Мамедова [Мамедов, Сапронова, 2021] в соавторстве, В.А. Кузнецова [Кузнецов, 2022]. Сирийский кризис вызвал серьезный интерес к изучению страны в России и за рубежом. Стоит выделить работы В.М. Ахмедова [Ахмедов, 2022], М.С. Ходынской-Голенищевой [Ходынская-Голенищева, 2018], Н.В. Сухова [Сухов, 2020], И.А. Матвеева [Матвеев, 2020], Л.М. Исаева, А.В. Коротаева, А.Г. Мардасова, К.В. Семенова [Исаев и др., 2021].

1. ПОСТБААСИСТСКИЕ ИРАК И СИРИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Стоит кратко проследить эволюцию политических систем Ирака и Сирии. Идеологически оба государства до свержения режимов (Ирак – в 2003 г., Сирия – в 2024 г.) придерживались баасизма – в основе своей панарабской идеи объединения арабской нации под руководством партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), имеющей страновые отделения. Ключевые фигуры во властной архитектуре баасистских Ирака и Сирии – президенты. Они неформально опирались на несколько «столпов» власти: в Ираке – это Совет революционного командования, разведка, партия «Баас»; в Сирии – разведка, партия «Баас», армия и городские бизнес-элиты². В каждом из государств существовал также Национальный прогрессивный фронт – он включал баасистов (и закреплял за ними ведущую роль в государстве и обществе) и ряд других лояльных правительству партий, получавших ограниченную автономию в рамках складывавшейся политической системы. *Если оценивать политические режимы государств, то их развитие и эволюция связаны не с идеологическими императивами ПАСВ, а с персонифицированным авторитаризмом развития, зависимым от кланов в элите. В Сирии ключевым считался клан Асад-Махлюф (алавиты), а в Ираке – клан Альбу Насер (тикритцы)* [Аганин, 2020, с. 135].

Баасистские Ирак и Сирия также испытывали жесткое внешнее давление, в первую очередь со стороны Израиля и США. В 2003 г. российский востоковед Г. Мирский отмечал, что

² Интервью автора с президентом Движения национального строительства (Сирия) Анасом Джудой. 22.02.2025.

«после крушения диктатуры Баас в Ираке баасистская Сирия останется единственной арабской страной, стойко и непримиримо противостоящей Израилю. У правящего в Дамаске режима действительно есть основания с тревогой всматриваться в будущее» [Мирский, 2003]. В обоих случаях использовался жесткий санкционный режим, направленный на подрыв внутривнутриполитической стабильности, раскол элит, разжигание этнорелигиозных противоречий, поддержку внешней оппозиции и уничтожение и/или максимальное ослабление военного потенциала (в целях недопущения угрозы Израилю – на это делался особый упор) [Титоренко, 2025].

Наблюдаются существенные отличия в вопросах установления новой политической системы и режима. В Ираке именно в условиях внешней оккупации (американской) – в результате, по сути, насильственного прерывания суверенитета – был разработан и принят Закон об Управлении Государством Ирак в переходный период (ЗУГИПП). Только после этого были проведены выборы и подготовлена новая конституция Ирака. В Сирии же после событий декабря 2024 г. сначала технически была проведена Конференция 29 января 2025 г. [Official Statement, 2025], в рамках которой, помимо других, были приняты решения о приостановке конституции 2012 г. и утверждении Ахмада аш-Шараа в качестве временного президента; а затем 13 марта 2025 г. им была подписана Конституционная декларация, объявившая переходный период на пять лет.

Если курды Ирака получили официальную автономию в федеративном Ираке, что вписано в конституцию Иракской Республики, то в Сирии, согласно Конституционной декларации, Дамаск отказался от федеративного устройства (что было значимым для курдских лидеров и вызвало приостановку переговоров). В новом Ираке президент – согласно неформальному соглашению, избирается из числа курдской общины страны – фигура скорее с церемониальными функциями. Руководителем государства является премьер-министр, а парламент – ключевой орган обсуждения принятия решений (именно парламент избирает и утверждает премьер-министра). В новой Сирии ключевая фигура – президент страны (и даже отсутствует премьер-министр). 5 октября 2025 г. прошли первые выборы в однопалатный парламент страны, однако они имели – по сравнению с Ираком и баасистским периодом самой Сирии – ограниченный формат, поскольку технически у большинства населения не было возможности проявить электоральную активность. Так, голосование было непрямым – участвовали только выборщики (утверждались Высшим избирательным комитетом, чьи члены назначены президентом); были запрещены политические партии – все кандидаты были технически независимыми; одну треть членов парламента (70 депутатов из 210) напрямую назначил президент. Новые власти в Дамаске решили не проводить выборы в районах Ракка, Хасака и Сувейда, сославшись на ограниченность инфраструктуры и вопросы безопасности. Таким образом, по Конституционной декларации Сирии, в отличие от Ирака, здесь выстроилась централизованная президентская власть.

2. КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛИТНЫЕ ГРУППЫ ПОСТБААСИСТСКИХ ИРАКА И СИРИИ

Два государства объединяет история нахождения этноконфессиональных меньшинств у власти. Баасизм ставил концепцию «уруба» (арабскость) в центр своего мировоззрения. Как отмечает А.А. Филиппов, «предложенная партией Баас и её идеологом М. Афляком идеология призвана была интегрировать различные этноконфессиональные группы в единое целое и санкционировать в стране власть меньшинств, которые на момент прекращения французского мандата де-факто контролировали силовые структуры» [Филиппов, 2022, с. 131].

В 2003–2004 гг. в Ираке к власти пришёл шиитско-курдский альянс, а в Сирии после свержения Б. Асада в 2024 г. новое руководство было сформировано из представителей в

основном групп вооруженных арабо-суннитских (частью джихадистских) сил. В обоих государствах на первом этапе одновременно начались гонения, резня и нарушения прав человека в отношении ассоциировавшихся с бывшей властью этноконфессиональных групп (отдельных суннитских групп в Ираке и алавитов и христиан в Сирии³).

В настоящее время децентрализованная политическая система Ирака базируется не просто на партиях, но и на направляющих их элитных кланах. Полный разбор элитных групп в постсаддамовском Ираке представлен автором в монографии «Ирак в начале XXI века. На пути к новой государственности» [Мамедов, 2023]. Здесь же отметим, что политическое руководство крупнейшими курдскими силами в Ираке осуществляют семьи Барзани и Талабани. В настоящее время в шиитских группах в Ираке нарастает влияние премьер-министра М.Ш. ас-Судани (считается, что он если не представляет, то учитывает интересы бывшего премьера Нури аль-Малики), традиционно сохраняют позиции в «шиитском доме» семьи Садров и аль-Хаким (меньшее влияние). Особую роль в процессе принятия решений играют лидеры Сил народного ополчения (подробнее в статье Р.Ш. Мамедова [Мамедов, 2024]). В периоды кризисов резко повышается значение Наджафа и лично великого аятоллы Али ас-Систани. То есть речь идёт о конгломерате семей и постоянно меняющихся тактических альянсах, включающих религиозную элиту, но в рамках одной политической системы.

В Ираке после свержения режима С. Хусейна и партии «Баас» в 2003 г. наблюдается множественная внешняя политика – разные части элит действуют автономно в отношении того, что они считают иракскими внешнеполитическими интересами, в зависимости от их собственных нормативных позиций и частных взглядов. Это ведёт их к вхождению во внешние отношения, часто не совпадающие с тем, какой могла бы быть официальная линия правительства [Stansfield, 2010, p. 1402]. Таким образом, принятие внешнеполитических решений Ирака зависит от внутриэлитной динамики. Тем не менее формализованными выразителями и исполнителями решений этих элит в моменте можно назвать премьер-министра и его кабинет, компромиссный для элит и зависимый от политической конъюнктуры [Мамедов, 2025].

В Сирии А. аш-Шараа не считается единственным авторитетным лицом, но именно он стал «первым среди равных» и был объявлен президентом страны на переходный период решением лидеров вооруженных группировок и Администрации военных операций (во главе с ним же). Автор данной статьи на основе позиционного анализа элит ранее публиковал материалы о составе, биографиях представителей и направленности политики новых властей в Дамаске [Мамедов, 2025], что позволяет перейти к некоторым выводам о дипломатическом курсе сирийских акторов.

Анализ принятия внешнеполитических решений в Сирии основывается на понимании разделенности самой Сирии. В настоящее время существуют отдельные устремления условно трёх акторов. Так, конечно, в первую очередь речь идёт о сирийском правительстве в Дамаске во главе с А. Аш-Шараа – именно эта сила обладает международной легитимностью (имеет представительство в ООН, ЛАГ, ведёт официальные дипломатические отношения с международными акторами). Отдельные международные связи реализует прокурдская Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС). Дамаску также неподконтрольны провинции Сувейда, Кунейтра и ряд прилегающих районов, в которых проживают друзы. Во главе этой конфессиональной общины – из-за текущих событий во многом расколотой – стоит Хикмет аль-Хиджри, представляющий религиозно-политический истеблишмент друзов [Мамедов, 2025, с. 46].

³ Из интервью автора с Н.В. Суховым, к.и.н., ведущим научным сотрудником Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН.

Если говорить о внешнеполитической элите новой Сирии, то выделяется бывший руководитель политического бюро ХТШ, а с декабря 2024 г. – министр иностранных дел А. Х. аш-Шейбани. Ахмад аш-Шараа также привлекает свой клан к реализации власти. Так, глава генерального секретариата президента, его брат Махер аш-Шараа не раз участвовал во встречах, посвященных внешнеполитическим вопросам (в том числе на российском направлении). Директор Сирийского инвестиционного агентства – брат президента Хазем аш-Шараа (ранее топ-менеджер Al Hayat – Pepsi Group) – замечен на встречах по развитию экономических отношений в Саудовской Аравии, Турции и др. Руководителем казначейства Центрального банка Сирии был назначен зять Ахмада аш-Шараа Ахмад ад-Дуруби (напомним, что из аристократической семьи ад-Дуруби из провинции Хомс происходит жена президента Латифа ад-Дуруби).

В Сирии после свержения режима прошло около года (на момент подготовки данной статьи), тем не менее направленность новой власти зависит от «институциональной колеи» управления предшествующего клана Асадов. При этом власть самого А. аш-Шараа зависит от отсутствия или наличия активного сопротивления представителей традиционных институтов общества – шейхов арабских племен или курдских ополчений, – чья роль за время конфликта возросла [Кузнецов, 2022], так и от взаимодействия с другими авторитетными боевыми командирами группировок, предварительно согласившихся на интеграцию своего боевого состава в институты безопасности страны.

3. ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ИРАКА И СИРИИ

Ирак. В постсадамовский период образование как новой политической элиты Ирака, так и органов безопасности оказалось напрямую зависимыми от американских оккупационных сил и от политики Ирана. Пришедшие к власти лица столкнулись с проблемой её консолидации и легитимности в условиях иностранного контроля. Ирак стремился нарастить контакты на официальном уровне с ближайшими соседями, странами региона Ближнего Востока и Северной Африки и государствами за его пределами. Внешняя политика М.Ш. ас-Судани характеризуется стремлением к укреплению международного статуса Ирака при сохранении баланса интересов различных глобальных и региональных игроков.

Багдад стремится к развитию отношений с Вашингтоном, в то время как в последние годы политика США в отношении Ирака (как и Сирии) во многом рассматривалась с точки зрения противодействия Ирану [Jeffrey, 2025]. Риски дестабилизации в Ираке сохраняются ввиду американо-иранской конфронтации, влияния палестино-израильского конфликта и региональной конкуренции.

В постконфликтный период наблюдается рост международных и региональных инвестиций из европейских государств, России, стран Залива, Китая [Asharq Al-Awsat, 2025]. Стоит отдельно отметить растущий интерес иракской элиты к Пекину [D’Hooghe et al., 2025]. Основные руководители Ирака, особенно представители правящей коалиции «Координационная структура», в целом рассматривают Китай как желанного партнера, что позволяет диверсифицировать внешнеполитический портфель Багдада.

Что касается России, то решительные действия по оказанию всеобъемлющей помощи Ираку в отражении угрозы ИГИЛ в 2014–2017 гг. укрепили фундамент доверия иракского военно-политического руководства к Москве как к надежному партнеру в сфере безопасности. Российских инвестиций в основном в нефтяную сферу по состоянию на сентябрь 2025 г. было более 20 млрд долл. [Investment, 2025]. Москва также поддерживает действия иракских властей по укреплению суверенитета и территориальной целостности.

Сирия. Внешнеполитический курс нового руководства Сирии был направлен на комплексное восстановление позиций страны на международной арене при сохранении баланса между различными приоритетами, а главной задачей правительства стало обретение легитимности. Новая сирийская администрация начала применять многосторонний подход к внешней политике. В первую половину 2025 г. наблюдалась координация Турции, Катар и Саудовской Аравии. Возобновление взаимодействия Сирии с Персидским заливом строилось на цели снижения влияния Ирана, экономической поддержке и координации по вопросам региональной безопасности.

Вопрос международной легитимации лежал в основе внешнеполитических действий нового президента, хотя и ситуация внутри Сирии отличалась сохранением насилия. Как подчеркивает Н.В. Сухов, «власть в Дамаске воспроизводит основные черты прежнего авторитарного режима: централизованное насилие, исключение целых групп населения из политической жизни...» [Сухов, 2025]. Несмотря на внутреннее насилие, ответственным за международные связи лицам удавалось сохранять «благопристойный» вид новой власти для «внешнего потребителя». Запад и региональные акторы намеренно не акцентировали внимание на нарушениях прав человека и убийствах, проводимых новым режимом в Дамаске.

А. аш-Шараа воздержался от немедленного вывода российских военных объектов. 15 октября 2025 г. состоялся его визит в Москву, что содействовало укреплению легитимности сирийского правительства. Дамаск также пожелал возобновления присутствия российской военной полиции на юге Сирии с целью ограничить активность Израиля. Для Москвы же существуют традиционные геополитические интересы сохранения российского военного присутствия в Восточном Средиземноморье – задача по сдерживанию США и сокращения площади позиционных районов 6-го флота ВМС США для гипотетического удара из этого региона [Мардасов, 2025].

Кроме того, сирийское правительство настроилось на максимальное вовлечение региональных союзников в лоббирование снятия масштабных санкций – ещё один приоритет правительства А. аш-Шараа. Евросоюз в целом выступил в поддержку нового сирийского правительства. 20 мая 2025 г. страны Евросоюза (ЕС) сняли экономические ограничения в отношении Сирии (хотя 28 мая Совет ЕС ввел их против трёх сирийских группировок за нарушения прав человека, совершенные в отношении этноконфессиональных меньшинств Сирии во время насилия в марте 2025 г.) [France 24, 2025].

13 мая Д. Трамп во время визита в Саудовскую Аравию объявил о снятии ограничительных мер с Сирии. Технически вводились лишь «исключения из санкций» и выдавалась Генеральная лицензия 25 от 23 мая 2025 г. на 180 дней. 30 июня 2025 г. президент США Дональд Трамп подписал «Указ об обеспечении отмены санкций против Сирии» с 1 июля (согласно указу, сохранялась возможность повторного их введения) [The White House, 2025]. Очевидно, американцы увязывали дальнейшие санкционные послабления с выстраиванием «правильного» курса Дамаском. Ключевым фактором, который может изменить санкционное законодательства США в отношении этой арабской республики, может стать сирийско-израильская нормализация.

Действия Израиля и неподконтрольных правительству в Дамаске друзов и курдов стали важным внешнеполитическим вызовом. Во взаимодействии с американскими посредниками А. аш-Шараа взял курс на заключение некой сделки с израильским руководством, несмотря на наличие сложностей в переговорах. Именно динамика отношений с Израилем во многом станет определяющей для государственности Сирии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования указывают на то, что, несмотря на схожесть исторических корней и геополитического положения, система управления и принятие внешнеполитических решений в Ираке и Сирии демонстрируют существенные различия, обусловленные спецификой внутривластного развития каждой страны.

Дипломатические приоритеты обоих государств имеют сходства и различия. Так, Багдад и Дамаск стремятся к восстановлению суверенитета и международной легитимности. Кроме того, неформальные механизмы – для детального изучения которых требуются дополнительные исследования – играют существенную роль в процессе принятия решений государств. Региональное измерение внешней политики этих государств характеризуется – публично декларируемым – стремлением к нормализации отношений с соседями, необходимостью балансирования между региональными игроками, попытками укрепления позиций в арабском мире. Международное взаимодействие строится на основе поиска баланса между различными внешними партнерами и поиска финансовых вливаний (в обоих случаях после смены режима со стран снимали масштабные экономические санкции, разрушившие экономику при предыдущих властях).

Смена элит в Сирии и Ираке в целом привела к существенным изменениям в процессе принятия внешнеполитических решений. В Ираке после оккупационного периода и внутренних войн сложилась децентрализованная система управления – парламентская республика, – за фасадом которой правит конгломерат элитных групп и кланов. Это привело к «множественной» внешней политике Багдада с различными центрами силы, но существующих в рамках единой политической системы и стремящихся к соблюдению интересов друг друга через механизмы институтов государственной власти.

В Сирии новое руководство, по сути, сохранило институт президентства в качестве ключевой силы, определяющей внешнеполитический курс государства, как и клановый подход к формированию элиты при согласии лидеров пришедшей к власти вооруженной оппозиции. Сама внутренняя разделенность общества и государства приводит к конкуренции центров силы (друзы, курды) в условиях де-факто сегментированной территории. Такое состояние разделенности, с одной стороны, позволяет А. аш-Шараа провести попытку установления централизованной системы с участием представителей его клана во власти, а с другой стороны, в среднесрочной перспективе препятствует объединению государства и восстановлению его территориальной целостности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аганин А.Р. Концепция трибализма А. Ибн Хальдуна и современный Ближний Восток. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020. № 4. С. 125–150 [Aganin A.R. The Concept of Tribalism of A. Ibn Khaldun and the Modern Middle East. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the world*. 2020. No. 4. Pp. 125–150 (in Russian)].

Ахмедов В.М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е годы). М.: ИВ РАН, 2022 [Akhmedov V.M. *The Syrian Crisis and Iran's Struggle for the Middle East (1990s–2020s)*. Moscow: IOS RAS, 2022 (in Russian)].

Демченко А.В. Внутренние факторы формирования внешней политики стран Арабского Востока. *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1. С. 153–165 [Demchenko A.V. Internal Factors in the Formation of Foreign Policy of Arab States. *MGIMO Review of International Relations*. 2010. No. 1. Pp. 153–165 (in Russian)].

Иванов С.М. Вооружённые конфликты в Сирии и Ираке. Перспективы их разрешения. *Россия и новые государства Евразии*. 2017. № 3. С. 6–23 [Ivanov S.M. Armed Conflicts in Syria and Iraq and Prospects of Their Decision. *Russia and New States of Eurasia*. 2017. No. 3. Pp. 6–23 (in Russian)].

Инвестиции российских энергокомпаний в экономику Ирака превысили \$20 млрд. *Финмаркет*. 15.09.2025 [Russian Energy Companies Invest more than \$20 Billion into the Economy of Iraq. *Finmarket*. 15.09.2025] <https://www.finmarket.ru/news/6474001> (accessed: 23.10.2025).

Исаев Л.М., Коротаев А.В., Мардасов А.Г., Семенов К.В. *Метаморфозы сирийской оппозиции*. М.: ЛЕНАНД, 2021 [Isaev L.M., Korotaev A.V., Mardasov A.G., Semenov K.V. *Metamorphoses of the Syrian Opposition*. Moscow: LENAND, 2021 (in Russian)].

Кузнецов В.А. Племенной нарратив в политическом пространстве Сирии. *Россия и мир: научный диалог*. 2022. No. 1. С. 110–123 [Kuznetsov V.A. Tribal Narrative in the Syrian Political Universe. *Russia and the World: Scientific Dialogue*. No. 1. 2022. Pp. 110–123 (in Russian)].

Лебедева М.М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? *Внешняя политика: вопросы теории и практики*. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: МГУ, 2009. С. 32–42 [Lebedeva M.M. Foreign Policy: Disappearance or Reboot? *Foreign Policy: Theory and Practice Issues*. P.A. Tsygankov (ed.) Moscow: MSU, 2009. Pp. 32–42 (in Russian)].

Мамедов Р.Ш. Из антиэлиты в элиту: новая Сирия в условиях глобальных трансформаций. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025. № 2. С. 34–46. EDN: JUCTWZ [Mamedov R.Sh. From Anti-Elite to Elite: New Syria amid Global Transformations. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025. No. 2. Pp. 34–46. EDN: JUCTWZ (in Russian)].

Мамедов Р.Ш. Принятие внешнеполитических решений элитами Ирака в постсаддамовский период (на примере ирако-китайских отношений). *ЭНОЖ «История»*. 2025. Т. 16. № 1 (147) [Mamedov R.Sh. Foreign Policy Decision-Making by Iraqi Elites in the Post-Saddam Period (On the Example of Iraqi-Chinese Relations). *ISTORIYA*. 2025. Vol. 16. No. 1 (147). (in Russian)].

Мамедов Р.Ш. *Ирак в начале XXI века: на пути к новой государственности*. М.: ИВ РАН, 2023 [Mamedov R.Sh. *Iraq at the Beginning of the 21st Century: On the Way to a New Statehood*. Moscow: IOS RAS, 2023 (in Russian)].

Мамедов Р.Ш., Сапронова М.А. Особенности политического развития Ирака в 2003–2020 годах: формирование новой элиты. *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 357–370 [Mamedov R.Sh., Sapronova M.A. Features of the Political Development of Iraq in 2003–2020: the Formation of a New Elite. *Scientific Dialogue*. 2021. No. 1. Pp. 357–370 (in Russian)].

Мардасов А.Г. Конкуренция России и США на фоне смены власти в Сирии. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2025. Т. 69. № 1. С. 142–150 [Mardasov A.G. Russia-US Rivalry Against the Backdrop of the Change of Power in Syria. *Lomonosov Oriental Studies Journal*. 2025. Vol. 69. No. 1. Pp. 142–150 (in Russian)].

Матвеев И.А. *Сирия в конфликте*. М.: ИВ РАН; 2020 [Matveev I.A. *Syria in Conflict*. Moscow: IOS RAS, 2020 (in Russian)].

Мирский Г. Вторая жизнь партии Баас. *Россия в глобальной политике*. 2003. № 2 [Mirskij G. Second life of Baath party. *Russia in Global Affairs*. 2003 No. 2. (in Russian)] <https://globalaffairs.ru/articles/vtoraya-zhizn-partii-baas/> (accessed: 10.02.2025).

Наумкин В.В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти. *Полис. Политические исследования*. 2021. № 6. С. 42–59 [Naumkin V.V. Modern Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historic Memory. *Polis. Political Studies*. 2021. No. 6. Pp. 42–59 (in Russian)].

Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования. *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1. С. 145–152 [Streltsov D.V., Koldunova E.V. Foreign Policy Process in the East. Some Approaches to Research Methodology. *MGIMO Review of International Relations*. 2010. No. 1. Pp. 145–152 (in Russian)].

Сухов Н.В. Современная ситуация в Сирии и перспективы ее развития. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. Pp. 74–84 [Sukhov N.V. The Current Situation in Syria and Prospects for its Development. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 74–84 (in Russian)].

Сухов Н.В. Было плохо, стало хуже: что новые власти за полгода изменили в Сирии. *Профиль*. 30.05.2025 [Sukhov N.V. It was bad, it got worse: what the new authorities have changed in Syria in six months. *Profile*. 30.05.2025 (in Russian)] <https://profile.ru/abroad/bylo-ploho-stalo-huzhe-cto-novye-vlasti-za-polgoda-izmenili-v-sirii-1709647/> (accessed: 10.07.2025).

Сучков М.А., Ребро О.И., Сушенцов А.А., Байков А.А. Лидерство и принятие внешнеполитических решений в эпоху нового технологического уклада? *Международные процессы*. 2020. Т. 18. № 4. С. 62–80 [Suchkov M.A., Rebro O.I., Sushentsov A.A., Baikov A.A. Leadership and Foreign Policy Decision-Making in the Next Innovation Wave. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. 2020. Vol. 18. No. 4. Pp. 62–80 (in Russian)].

Титоренко В.Е. Роль санкций в свержении режима: США и саддамовский Ирак (аналитические тезисы № 5). М.: Центр Примакова, 2025 [Titorenko V.E. *The Role of Sanctions in Regime Change: the USA and Saddam's Iraq* (analytical theses No. 5). Moscow: Primakov Center, 2025 (in Russian)].

Филиппов А.А. Ранняя идеология партии Баас (ПАСБ). Минск: РИВШ, 2022 [Filippov A.A. *Early Ideology of the Ba'ath Party*. Minsk: RIVSh, 2022 (in Russian)].

Ходынская-Голенищева М.С. Сирия: трудный путь от войны к миру (многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования). М.: Олма-Медиа Групп, 2018 [Khodynskaya-Golenishcheva M.S. *Syria: A Difficult Path from War to Peace (Multilateral Diplomacy of Syrian Settlement)*. Moscow: Olma-Media Grupp, 2018 (in Russian)].

Brulé D., Mintz A. Foreign Policy Decision Making: Evolution, Models, and Methods. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2017. <https://clck.ru/3Tktxc> (accessed: 23.10.2025).

Charountaki M. A State in the Making: Persistent Impediments to State Cohesion in Iraq. *A Century of State-Making in Iraq*. Charountaki M., Moore J., Anderson L. (eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2025. Pp. 1–28.

D'Hooghe I., Kranenburg V., Van Veen E. China-Iraq Relations: Strategic Partnerships and Economic Ties. *The Clingendael Institute*. 2025. https://www.clingendael.org/sites/default/files/2025-01/Clingendael_Policy_Brief_China_in_Iraq_0.pdf (accessed: 23.10.2025).

EU sanctions Syrian militia groups over ethnic violence targeting Alawites. *France 24*. 28.05.2025 <https://www.france24.com/en/middle-east/20250528-eu-sanctions-syrian-militia-groups-ethnic-violence-targeting-alawites> (accessed: 05.07.2025).

Foreign Investment in Iraq Reaches \$100 Billion in Two Years. *Asharq Al-Awsat*. 2023. <https://english.aawsat.com/business/5185984-foreign-investment-iraq-reaches-100-billion-two-years> (accessed: 23.10.2025).

Hermann M.G., Hermann C.F. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry. *International Studies Quarterly*. 1989. Vol. 33. No. 4. Pp. 361–387.

Jeffrey J. Trump. Confirming and Upending U.S. Middle East Policy. *The Washington Institute for Near East Policy*. 2025. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/trump-confirming-and-upending-us-middle-east-policy> (accessed: 05.10.2025).

Mintz A., DeRouen K. *Understanding Foreign Policy Decision Making*. New York: Cambridge University Press, 2010.

Official Statement on the Victory of the Syrian Revolution. *SANA*. 30.01.2025. <https://sana.sy/?p=2186367> (accessed: 30.10.2025) (in Arabic).

Providing for the Revocation of Syria Sanctions. *The White House. Presidential Actions*. 2025. <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/06/providing-for-the-revocation-of-syria-sanctions/> (accessed: 05.07.2025).

Raza F. US-Iran Tensions and Instability in Iraq: Role of the Popular Mobilisation Units. *Strategic Studies*. 2021. No. 41 (2). Pp. 1–15.

Saunders E.N. Elites in the Making and Breaking of Foreign Policy. *Annual Review of Political Science*. 2022. Vol. 25. Pp. 219–240.

Snyder R.C., Bruck H.W., Sapin B. *Foreign Policy Decision-Making (Revisited)*. New York: Palgrave Macmillan, 2002.

Stansfield G. The Reformation of Iraq's Foreign Relations: New Elites and Enduring Legacies. *International Affairs*. 2010. Vol. 86. No. 6. Pp. 1395–1409.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАМЕДОВ Руслан Шакирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ruslan Sh. MAMEDOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Center of Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.